

УДК 341.9

DOI 10.25688/2076-9113.2020.40.4.10

А. В. Алешина

К вопросу о месте международного частного права в системе права в контексте современных кризисных явлений¹

В статье представлен анализ научных доктрин, сформировавшихся относительно сущности такого правового феномена, как международное частное право, и его места в системе права, приводится аргументация в защиту того или иного подхода. Автор указывает на сложный и неоднозначный характер международного частного права, который на сегодняшний день не позволяет ученым прийти к единому мнению относительно правовой природы данного явления.

Ключевые слова: международное частное право; правовая природа; международно-правовая концепция; национально-правовой подход; полисистемный комплекс.

На сегодняшний день современное общество характеризуется многочисленными и разнообразными взаимосвязями между субъектами разных государств, что требует особого регулирования имеющих здесь место частноправовых отношений, присущих гражданским, в определенной степени семейным, трудовым отношениям. Именно это и является главной целью международного частного права, о возникновении которого можно упомянуть в связи с процессом развития всесторонних международных контактов еще в далекие Средние века.

Становление международного частного права происходило в несколько этапов, которые кратко можно охарактеризовать следующим образом. Вначале (XVI – первая половина XIX века) формирование его норм являлось закладкой исключительно коллизионного права. На данном этапе развитие получила теория статутов, разрабатываемая под руководством Шарля Димулена и Бертрана Д'Аржантре.

На основе сформулированных коллизионных статутов стали приниматься различные нормативные акты для регулирования отношений частного характера с иностранным элементом, которые впоследствии подверглись кодификации (примером может служить Французский гражданский кодекс). Этими

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00770 «Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов в праве: теоретическое и историко-правовое измерения».

процессами ознаменовался следующий этап развития международного частного права (вторая половина XVIII – начало XIX века).

Однако постепенно стало понятно, что во многих ситуациях при регулировании в первую очередь отношений торгового и экономического характера, можно обойти решение непростых коллизионных вопросов путем создания государствами норм, единообразных по своей природе и закрепленных в международных соглашениях.

Данная идея получила свое воплощение в принятии первых международных договоров в области прав на интеллектуальную собственность — Парижской конвенции об охране промышленной собственности 1883 года и Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений 1886 года. Этот положительный опыт был подхвачен и в дальнейшем специально созданными международными организациями универсального уровня, которые в течение многих десятилетий активно ведут работу над созданием унифицированных норм как материального, так и коллизионного характера (Гаагская конференция по международному частному праву, Международный институт по унификации частного права и т. д.).

Вопрос, касающийся места международного частного права в системе права, не перестает разрабатываться российскими и зарубежными учеными, однако до сих пор не сложилось единого мнения и подхода к пониманию природы международного частного права, что определяет данный аспект как крайне дискуссионный. Это объясняется тем, что международное частное право, представляя собой уникальное в своем роде явление, связано как с международным публичным правом, так и с национальными правовыми системами.

Очевидно, что для уяснения сущности международного частного права логично опираться на определенные критерии, в частности такие, как предмет и методы правового регулирования, нормативный состав, источники правового регулирования, а также субъекты соответствующих отношений. Каждый из этих критериев имеет важное значение для осознания действительного места международного частного права в юридической системе и может склонить чашу весов в поддержку того или иного подхода.

Сегодня существуют несколько вариантов решения данного вопроса. Представители первого подхода (В. Э. Грабарь, А. М. Ладыженский, Л. Н. Га-ленская и др.) отстаивают положение о том, что международное частное право является частью общего международного права. Так, А. М. Ладыженский отмечал, что по своей природе нормы международного характера, которые регулируют отношения частного характера, являются международными публично-правовыми. По его мнению, они имеют международно-правовой характер, так как устанавливают господство различных государств по их применению (публичное господство), иначе говоря, создают публичные права одного государства в отношении других государств касательно права применять данные нормы и требовать их применения [2, с. 17].

Также аргументами в защиту такого видения выдвигались идеи об общности предмета международного частного и международного публичного права. По мнению приверженцев данной концепции, и в том и в другом случае основой выступают международные отношения. Да, конечно, все эти отношения имеют международный характер, поскольку выходят за рамки одного государства, но утверждать, что они на этом основании имеют общий предмет регулирования, было бы не совсем правильно. Ведь абсолютно очевидно, что в сфере действия международного частного права лежат иные по своей природе отношения, а именно частноправовые, а не публичные (властные).

Можно заметить, что очень часто заменяют термин «частноправовые отношения» на термин «гражданско-правовые отношения», что приводит к дополнительным дискуссиям. Так, В. Г. Храбсков отмечал, что в трудовом, семейном, процессуальном праве может быть применен один и тот же категориальный аппарат (дееспособность, правоспособность, договорные отношения), но это никоим образом не говорит о гражданском характере отношений, лежащих в плоскости любой другой отрасли права.

Еще один критерий, кладущийся в основу определения предмета международного частного права, — это так называемый иностранный элемент, без присутствия которого отношения остаются в сфере действия национального (внутригосударственного) права. Данная категория, как правило, может выражаться тремя способами: в субъекте правоотношения (один из его участников является иностранцем, либо двое действуют на территории иного государства, гражданами которого они не являются), в объекте правоотношения (имущество, переходящее по наследству, территориально находится в другой стране), либо в юридическом факте, с которым связывают возникновение или прекращение самого правоотношения (признание лица безвестно отсутствующим за рубежом).

Данный момент крайне важен для понимания и характеристики предмета международного частного права. На практике, при возможных трех, рассмотренных выше, вариантах, может сложиться ситуация, когда иностранный элемент будет иметь свое выражение во всех его проявлениях, однако для того чтобы частные отношения перетекли из сферы регулирования внутригосударственного права в международное частное право, достаточно лишь одного из вышеперечисленных.

Еще существенным аргументом является то, что источниками международного публичного и международного частного права выступают международные соглашения и международные правовые обычаи. Однако и здесь следует помнить, что речь идет всего лишь о форме выражения правовых норм в виде договора и обычая, но это совсем не означает, что одни и те же международные договоры и обычаи подлежат применению для урегулирования публичных и частных отношений международного характера.

В противовес таким аргументам, на наш взгляд, можно еще раз сказать, что предмет международного частного права по своей сути являет собой

частноправовые отношения, которые благодаря иностранному элементу, в них присутствующему, выходят за пределы одной страны. Данный факт хоть и намекает на международный характер регулируемых отношений, все же не дает возможности утверждать об идентичности предмета. Частный характер таких отношений (гражданско-правовые, семейные, трудовые и иные отношения) четко отделяет их от отношений властного характера, возникающих между государствами.

Общность источников международного публичного и международного частного права нельзя отрицать, поскольку международные унифицированные нормы появляются только благодаря процессу согласования воли государств. Однако надо учитывать, что единая форма закрепления унифицированных норм не исключает абсолютно иного содержания, которое, кстати, обусловлено спецификой предмета международного частного права.

Многие цивилисты отстаивают концепцию о вхождении международного частного права как части гражданского права каждого государства (М. М. Агарков, О. Н. Садиков, А. Л. Маковский и др.). Аргументы «за» строятся, по сути, по таким же основаниям, как предмет и источники правового регулирования. Только в данном случае общность предмета гражданского и международного частного права проявляется в имущественном и личном неимущественном характере отношений, правда применительно к международному частному праву еще с наличием так называемого иностранного элемента. Источниками правового регулирования и гражданского, и международного частного права являются внутренние правовые акты.

Но и в данном случае полностью согласиться с таким подходом нельзя.

Как отмечает Н. Х.-А. Рахмонкулова, международное частное право тесно связано с гражданским правом. Однако международный характер регулируемых правоотношений свидетельствует об ошибочности с теоретической точки зрения единого подхода к их изучению. Частный и международный характер отношений, регулируемых посредством международного частного права, особенности метода правового регулирования указывают на специфику предмета данной отрасли. Если считать международное частное право в качестве подотрасли гражданского права, то теряются его весьма важные черты и особенности [5, с. 100].

Более того, вряд ли можно говорить о международном частном праве как о части гражданского права, когда отношения, им регулируемые, плавно перетекают из отрасли гражданского права в другие внутрисударственные отрасли (семейное, трудовое право и т. д.), т. е. отношения, регулируемые международным частным правом, далеко выходят за рамки только гражданского права. Таким образом, никак нельзя считать систему норм, регулиующую более широкий спектр отношений нежели гражданское право, частью всего лишь одной отрасли национального права.

Наиболее правдоподобно выглядит научная теория, по которой международное частное право является самостоятельной отраслью национального

права каждого отдельного государства (И. С. Перетерский, Л. А. Лунц, М. М. Богуславский и др.).

В данном случае достаточно серьезными аргументами выступают самостоятельность предмета правового регулирования (частноправовые отношения с иностранным элементом) и методов, с помощью которых отношения такого рода регулируются (коллизивно-правовой и материально-правовой). При этом исследователи подчеркивают национальную природу международного частного права, которое существует в правовой системе каждого отдельного государства, и его самостоятельный характер. Наличие совершенно специфического инструмента — коллизивных норм, предназначенных для выбора компетентного правопорядка, является существенным отличием от международного публичного права и иных отраслей национальных правовых систем [1].

Более того, некоторые деятели в области изучения международного частного права склоняются к мнению, что в его нормативный состав включаются только коллизивные нормы, имеющие национальную и международную природу создания. С данным мнением нельзя согласиться, поскольку любая отрасль права направлена на разрешение тех или иных правоотношений, являющихся ее предметом. Коллизивные нормы такую задачу не выполняют, поскольку их функция заключается лишь в избрании правовой системы для разрешения спора, и, соответственно, остановка только на данной стадии не имеет никакого практического смысла. Но от этого их значимость и индивидуальное предназначение для международного частного права никуда не девается.

Л. А. Лунц подчеркивал: «...международное частное право как отрасль права и отрасль юриспруденции считается кругом отношений, возникающих в международной жизни, имеющих гражданско-правовую природу в широком смысле этого слова» [3, с. 12]. Таким образом, аргументы, исходящие из таких крайне важных критериев, как предмет, метод правового регулирования, нормы, посредством которых происходит специфическое разрешение правовой коллизии, позволяют согласиться с данным видением международного частного права.

Однако существует и четвертый подход, который также имеет в определенной части свою логичную аргументацию. Такие ученые, как А. Н. Макаров, Р. А. Мюллерсон, Г. И. Тункин, В. В. Гаврилов и другие, характеризуют международное частное право как некий полисистемный комплекс, включающий в себя нормы международного и национального происхождения.

Р. А. Мюллерсон отмечал полисистемность международного частного права через призму комплексности его норм — нормы, которые, имея внутригосударственное или международное происхождение, являются коллизивными по своему назначению, объединяются с нормами материальными, носящими национальный и международный характер. Все эти нормы не воссоздают единую систему, а имеют свое действие отдельно в рамках внутригосударственного права или международного, имея своей целью способствовать урегулированию неправительственных отношений [4, с. 82].

Если рассуждать относительно возможности рассмотрения международно-частного права как полисистемного комплекса, нельзя не обратить внимание на тот факт, что в определенных случаях, когда коллизионная норма отсылает нас к применению иностранного права и в случае применения такового происходит регулирование отношений посредством норм, входящих в правовую систему другого государства, что дает возможность думать о смешении правовых систем и о том, что в данный момент в нормативный состав нашего международного частного права вошли нормы иностранного права. Это, наверное, один из немногих спорных моментов, который может дать возможность усомниться в представлении международного частного права как самостоятельной отрасли внутригосударственного права.

Как отмечает Н. Х.-А. Рахмонкулова, анализ доктринальных проблем касательно источников, природы и задач международного частного права показал, что рассмотрение международного частного права либо как части международного права, либо как комплекса норм национального и международного происхождения ослабляет его цивилистическую природу.

Системная принадлежность международного частного права в рамках двух основных концепций (гражданско-правовой и самостоятельности международного частного права как отрасли права) определяет его как часть внутригосударственного права.

На этом основании можно утверждать, что в рамках правовых систем отдельных государств действуют, опираясь на средства международных частноправовых отношений, особые правовые структуры, являющиеся связующим звеном между системой внутригосударственных отношений и международными отношениями [5, с. 102].

Существование неоднозначных взглядов на международное частное право проистекает из его сложной и двойственной природы: иностранный элемент, присутствующий в правоотношении, выводит международное частное право за рамки национальных отраслей права, регулирующих схожие отношения в пределах территории государства, а созданные в рамках согласования воли суверенных государств правила поведения заставляют задуматься о его международной природе.

Неоднозначная трактовка нормативного состава международного частного права также влияет на понимание и осознание его сущности, делает этот процесс все более запутанным и сложным.

На наш взгляд, самостоятельность такой отрасли национального права, как международное частное право, наиболее четко отражает его правовую природу. Данный подход в понимании международного частного права дает ему наиболее полную и логичную аргументацию. В связи с вышесказанным, совершенно нелишним было бы принятие отдельного закона «О международном частном праве».

Литература

1. Алешина А. В., Косовская В. А. Международное частное право в схемах и таблицах. Ростов н/Д.: Феникс, 2014. 350 с.
2. Ладыженский А. М. К вопросу о юридической природе так называемого международного частного права // Вестник МГУ. 1948. № 5. С. 17.
3. Лунц Л. А. Курс международного частного права: в 3 т. Общая часть. М.: Юридическая литература, 1973. 384 с.
4. Мюллерсон Р. А. Международное публичное и международное частное право: соотношение и взаимодействие // Советский ежегодник международного права. 1985. М.: Наука, 1986. С. 64–83.
5. Рахмонкулова Н. Х.-А. Правовая природа международного частного права и его место в системе права // Государство и право. 2017. № 7. С. 99–103.

Literatura

1. Aleshina A. V., Kosovskaya V. A. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo v sxemax i tabliczah. Rostov n/D.: Feniks, 2014. 350 s.
2. Lady`zhenskij A. M. K voprosu o yuridicheskoy prirode tak nazy`vaemogo mezhdunarodnogo chastnogo prava // Vestnik MGU. 1948. № 5. S. 17.
3. Luncz L. A. Kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava: v 3 t. Obshhaya chast`. M.: Yuridicheskaya literatura, 1973. 384 s.
4. Myullerson R. A. Mezhdunarodnoe publichnoe i mezhdunarodnoe chastnoe pravo: sootnoshenie i vzaimodejstvie // Sovetskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. 1985. M.: Nauka, 1986. S. 64–83.
5. Raxmonkulova N. X.-A. Pravovaya priroda mezhdunarodnogo chastnogo prava i ego mesto v sisteme prava // Gosudarstvo i pravo. 2017. № 7. S. 99–103.

A. V. Aleshina

On the Issue of the Place of Private International Law in Legal System in the Context of Contemporary Crisis Phenomena

The article presents the analysis of scientific doctrines that have formed regarding the essence of such a legal phenomenon as private international law and its place in the system of law, provides arguments in defense of one or another approach. The author points out the complex and ambiguous nature of private international law, which does not allow scientists to come to a common opinion on the legal nature of this phenomenon.

Keywords: international private law; legal nature; international legal concept; national legal approach; polysystemic complex.